

Возможна ли нравственность, независимая от религии? (К столетию со дня смерти Л.Н.Толстого)

Приключения атеистической нравственности

Приключения религиозной нравственности

Секулярный гуманизм

Вопрос к будущему

Заключение

На вопрос: «Возможна ли нравственность, независимая от религии?» Лев Николаевич Толстой ответил однозначно: *«Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как человек без сердца... Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности»*. («Религия и нравственность» – http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0470.shtml) По прошествии ста лет атеисты утверждают столь же однозначно: *“Доброта может быть без Бога”* (лозунг так называемых «новых атеистов») и даже: *«религия отравляет все»* (из заглавия книги одного из новых атеистов К. Хитченса). 20 век оказался не похожим ни на одно из предшествующих столетий. *«Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога". Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро»* (Пс. 13:1), – воскликнул царь Давид три тысячи лет назад, но в 20 веке атеизм стал уже не богохульством отдельных безумцев, но мировоззрением многих людей, продемонстрировавших доброту и альтруизм в катастрофах последнего века.

Вопрос о зависимости нравственности от религии есть вопрос жизни в обществе, где церковь отделена от государства, то есть вопрос в основном западной цивилизации. Там, где религия не отделена от государства, он приобретает иную окраску. Если, скажем, в Иране за измену мужу полагается смертная казнь, то небольшое количество разводов там не свидетельствует с очевидностью о высокой нравственности супружеских взаимоотношений. Здесь следует быть осторожным в обобщениях. Например, известна статистика, согласно которой до 65% японцев являются атеистами, но определение религиозности требует модификации по отношению к Японии с ее духовными традициями, резко отличающимися от европейских. Одним из индикаторов экспансии атеизма в Европе является опустение церквей. Но посещаемость буддистских и синтоистских храмов в Японии не падает, достигая 95%. Проблема сравнения цивилизаций остается за пределами данного эссе. Вопрос, на который отвечал Лев Николаевич Толстой, здесь будет рассматриваться как вопрос европейской культуры.

Толстой писал: *«Ни философия, ни наука не могут установить отношения человека к миру, потому что отношение это должно быть установлено прежде, чем может начаться какая-либо философия или наука...Нравственность заключена в даваемом религией объяснении жизни и потому никак не может быть отделена от религии»*. Для Толстого вопрос Сократа: *«благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?»* (Платон, «Евтифрон») решается видением homo sapiens как homo religiosus и признанием самого Бога благочестием. Тогда нравственность человека укоренена в религии, даже если он этого не осознает и отрицает как атеист. При этом Толстой полагал в соответствии с традициями западной религиозной мысли, что истинная нравственность реализуется в

христианстве, *«составляющим то высшее жизнепонимание, к которому движется всё человечество»* (если оно, по Толстому, освободится от церковно-исторических искажений).

Повторил бы Толстой свои слова сегодня? Возможно, повторил бы, но, несомненно, 20 век принес бы ему разочарования. В начале того века европейская цивилизация еще имела основания видеть себя христианской и вершиной исторического развития человечества, но мировые войны, возникновение и падение тоталитарных режимов, экспансия секуляризма, атеизма, научно-технологического утилитарного отношения к миру, распространение *нью-эйдж* как субститута религии, подъем ислама в мире с взрывом внутри него фанатизма и распространением на Западе – все это ставит под вопрос мысли Толстого о связи нравственности с религией вообще, с христианством в частности.

Понятия «мораль», «нравственность», «этика» не делимы. Можно сказать: «Нравственность есть внутреннее побуждение действовать в соответствии с моральными нормами, принятыми в обществе в соответствии с этическими принципами». Но широкое употребление таких выражений как «нравственный закон», «этическая норма» и т.п. затрудняет иерархическое определение этих понятий. В конце концов, вопрос упирается в признание того или иного авторитета моральных норм регулирующих нравственное сознание (Бог, или учитель, или философский императив). Как кажется, только автономная, независящая ни от богов и ни от людей, мораль может быть основой нравственности, не впадающей в конформизм или релятивизм, но нормы автономной морали должны быть некими платоновскими идеями или результатом биологической эволюции. В том и в другом случае нравственность, как свободный выбор человека следовать моральным установлениям даже против своих личных интересов, становится иллюзией. Но нравственность реализуется в общении людей, и мы можем присмотреться к истории ее приключений, не пытаясь строить жесткую этическую теорию.

Приключения атеистической нравственности

В результате Первой мировой войны с разрывом меньше 20 лет возникли два тоталитарных режима, претендовавших на создание общества согласно законам природы и истории. Расистская идеология в одном случае, классовая – в другом, «научно» разделили людей на имеющих право быть гражданами общества и не имеющих такого права. Религии тоже разделяют людей на спасенных и осужденных. В обоих случаях, повторяя слова Толстого, речь идет об *«установленном отношении человека к миру, определяющим смысл его жизни и заключенной в нем нравственности»*. Поэтому распространилось мнение, что тоталитарные идеологии есть «секулярные религии», формы религиозного сознания, с замещением веры в Бога культом личности, партии, государства. Однако расистская и классовая идеологии есть продукты отрицания религиозного отношения к миру, формы атеистического отношения к нему. Выражение «секулярная религия» вызывает представление, что суть этих режимов определяется аналогией с религией, но в данном случае аналогия, действительно, хромает.

Атеизм не имеет собственного содержания. Религия и наука имеют, атеизм же есть критика религии от имени методов и достижений науки, а также от имени морали в свете истории религиозных институтов. Но критика от имени морали здесь ведется во имя построения нерелигиозного и в то же время нравственного общества, то есть также предполагает знание законов природы и истории. Поэтому атеистическое отношение к

миру и человеку стало в 20 в. социальной силой только с помощью идеологически абсолютизированного содержания заимствованного у науки. Бог не входит некой постоянной в формулы науки и не является объектом научных экспериментов или предметом научных наблюдений. Ссылка на Него не может служить аргументом в решении проблем науки. Но когда атеизм судит религию от имени науки, игнорируя при этом парадоксы научного знания, это всегда суд на основании предвзятой интерпретации косвенных улик. Наука формировалась верующими учеными и продолжает развиваться верующими и атеистами. Число последних среди ученых постоянно росло в последние десятилетия. Но история науки не отделима от истории культуры и тенденций в ней. Ученые оценивают свою деятельность в свете своего мировоззрения, но теоретическое знание формулируется независимо от религиозной или атеистической позиции ученого. Так, например, человеческий геном был расшифрован одновременно убежденным христианином Ф. Коллинзом и воинствующим атеистом Дж. К. Вентером. В современной культурной атмосфере на Западе претензии религии судить о науке на основе предвзятого толкования ее противоречий теряют убедительность. С расширением наших знаний о макро и микро мирах, о строении вселенной и механизмах жизни ссылки на авторитет Бога, непостижимого и трансцендентного, допускающего существование зла в мире и согласного на прощение злодеяний грешников, стали представляться ретроградными все большему количеству людей. Но распространение атеизма среди ученых свидетельствует скорее не о силе его аргументов, а об идеологических тенденциях в современной культуре. История атеизма в России продемонстрировала, как ученые могут стать атеистами не в силу научных аргументов, а в силу идеологического давления.

Нацизм узурпировал евгенику и утвердил себя научным знанием о расовой гигиене как основы селекции высшей расы через государственное вмешательство в ее воспроизводство. Коммунизм узурпировал экономику и утвердил себя научным знанием о движении истории к бесклассовому обществу через диктатуру пролетариата. В обоих случаях замещение Творения ссылкой на эволюцию природы и историю человечества дало возможность атеизму утверждать себя именем науки. *«Очень значительна работа Дарвина, она годится мне как естественнонаучная основа понимания исторической борьбы классов»*. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 58, Москва, 1963). Гитлер не вспоминал Дарвина в «Моей борьбе», но эта программная книга нацизма основывается на идее *«борьбы за выживание»* в социальной жизни, на признании *«определенных вечных законов природы»*, *«стремления природы к расовой чистоте»*, когда *«в последнем счете всегда побеждает только инстинкт самосохранения»*. (http://thelib.ru/books/gitler_a/moya_borba-read.html). В обоих случаях речь шла не о разработке теории эволюции, а о ссылках на нее за пределами ее компетенции.

Знаменательно сходство этих противостоявших друг другу идеологий в их отношении к нравственности. Энгельс писал: *«Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т.е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен... В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные, – какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: Не кради!»* (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95-96.) Мораль, соответственно и нравственность, оказывается подчиненной естественному закону истории, регулирующие практические отношения. История идет к тому, что выбор человеком целей и средств его существования будет определяться знанием необходимости и уже не будет ни религиозной, ни нравственной проблемой. Вместо нравственных взаимоотношений между людьми на религиозных основаниях начнут действовать некие естественные (не

«душевнобольные») отношения. В.И. Ленин ясно понял суть вопроса еще в начале своей политической карьеры: *«В самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики": в отношении теоретическом – "этическую точку зрения" он подчиняет "принципу причинности"; в отношении практическом – он сводит ее к классовой борьбе»*. (Полн. собр. соч., т. 1, с. 440-441.) Позднее, нуждаясь в преданных кадрах в строительстве коммунизма, он заявил: *«Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов»*. («Задачи союзов молодежи» - Полн. собр. соч., т.41, стр.311). Здесь нет противоречия. С построением коммунизма, все придет в соответствие с первым словом марксизма, а пока кража может утверждаться как «экспроприация экспроприаторов», террор (убийство) как революционная обязанность и т.д.

Тенденция атеизма к отрицанию необходимости нравственного сознания проявилась и на другом конце политического спектра. Гитлер заявил в «Моей борьбе»: *«Под давлением этого [природного] инстинкта вся так называемая человечность, являющаяся только выражением чего-то среднего между глупостью, трусостью и самомнением, тает как снег на весеннем солнце»*. Объявив человечность глупостью, нацизм не стремился немедленно подавить его основу - религиозное сознание. *«Раса и личность - вот главные факторы нашего мирозерцания»*, но *«политику приходится прежде всего думать не о том, что данная религия имеет тот или другой недостаток, а о том, есть ли чем заменить эту хотя и не вполне совершенную религию. И пока у нас нет лучшей замены, только дурак и преступник станут разрушать старую веру»*. Замена произойдет в будущем. *«Вся организация общества должна представлять собою воплощенное стремление поставить личность над массой, т. е. подчинить массу личности»*. Когда указанная цель будет достигнута полностью, и общество будет окончательно построено в согласии с законами расовой гигиены, необходимость в религии для поддержания нравственности и сам вопрос о ней отпадут. Представитель высшей расы (чистый ариец) правильно действует не по некоему нравственному побуждению, а по осознанию своих функций в государстве, подчиняющемся авторитету вождя. Такова судьба атеистической нравственности, апеллирующей к законам истории и природы. Вопрос Л. Н. Толстого снимается. Вместе с религией исчезает проблема нравственности, а также проблема морали и свободы.

Сказанное о коммунистической и нацистской системах не есть их отождествление. Они были сложными историческими феноменами, целостный анализ которых входит за рамки вопроса о связи нравственности с религией. Более того, многие коммунисты и нацисты не были безнравственными индивидами, без разбора воровавшими, лгунами, предававшими друзей и т. д. *«Существует ли коммунистическая нравственность?»*, спрашивал Ленин и отвечал: *«Конечно, да!»*. В рамках ее на время принимались и классические, установленные религией, нормы нравственного поведения (так сказать, по причине того, что еще был смысл воровать, убивать и т.д. в чисто личных интересах). Слова «нравственность» и «мораль» постоянно встречаются и на страницах «Моей борьбы» Гитлера, осуждавшего разрушителей немецкого национального духа. У большинства граждан обоих обществ были семьи, друзья, дети, общение с которым окрашивалось нравственностью. Она должна была подчиняться авторитету вождя, партии, государства, но нравственность вообще подчиняет сознание человека тому или иному авторитету. Жутко звучат слова: *«Я хочу также говорить с вами совершенно откровенно по весьма неприятному вопросу. Между собой мы можем называть все своими именами, однако публично никогда не следует высказываться на этот счёт. Я имею в виду... истребление еврейской расы... Большинство из вас должны знать, что это означает, когда рядами один к одному лежат 100 трупов, или 500, или 1000. Выдержать все это до конца и*

остаться при этом порядочными людьми за некоторыми исключениями, что называется подчас человеческой слабостью, — вот что делает нас твёрдыми. Это страница славы в нашей истории, которая никогда не была и не будет написана...» (Г. Гиммлер. Документ Нюрнбергского процесса 1919 P.S.) Но характерно, как при этом провозглашается нравственность убийц. Они остаются «порядочными людьми», хотя им и приходится до победы нацизма не называть вещи своими именами. Также скрывалась правда о количестве и судьбе миллионов заключенных в Гулаге, хотя их судьба оправдывалась исторической необходимостью и случайными ошибками строительства нового общества. Утверждение атеистической нравственности обернулось разрушением основ общения и доверия между людьми. Они разрушались конформизмом и доношением. Открытое сопротивление этим нормам тоталитарного общества квалифицировалось его карательным аппаратом как проявление «безнравственности врагов народа».

Отношение к нравственности как к фантому человеческого сознания обернулось нравственным крахом атеистических систем, как коммунистической, так и нацисткой. После трагедии 90-х годов в России некоторые россияне вспоминают советскую эпоху добрым словом. Но падение советского режима, по каким бы то ни было политико-экономическим причинам в чрезвычайно короткое время и без гражданской войны, стало свидетельством его уже совершившегося нравственного краха в глазах большинства советских граждан. О нацистском режиме и говорить не приходится. Он стал позором немецкой истории в глазах большинства самих немцев.

Как бы мы ни определяли нравственность и мораль, как бы эти определения ни казались применимыми к личным взаимоотношениям граждан тоталитарных обществ, атеистическая нравственность должна была подчиняться безнравственной морали, апеллирующей к науке. Основа такой морали заключается в разделении человечества на несовместимые группы людей, называются ли они расами (низшими и высшими), классами (прогрессивными и реакционными) или как-либо еще. Религии также разделяют людей, но не сводят мораль к практическим отношениям в эмпирических условиях человеческого существования. Даже если, например, церковь полагает, что вне ее нет спасения, и тем самым отделяет спасенных от неспасенных, последние остаются людьми, сотворенными единым Богом по Его образу. Человечество остается единым в своем отношении к Его моральному авторитету. Но когда мораль перестает быть общечеловеческой на «научной» основе, тогда возникает безнравственная мораль, оправдывающая бесчеловечность по отношению к «другим», разрыв общения с ними, отказ им в малейшем доверии. Она перестает формировать нравственное сознание. Нравственное отношение к «несогласному», к «другому» (сочувствие, помощь и т.п.) представляется извращением, пережитком устаревшей морали.

Дискуссии по вопросу о единстве человечества с научной (биологической, антропологической, социологической и пр. точек зрения) продолжаются, а вместе с ними и дискуссии о научности теорий подобной расовой гигиене или историческому материализму. Надежда на науку решить вопросы нравственности и морали есть *idée fixe* атеизма. Однако призыв «Ecrasez l'infame!» оказался направленным вслед за религией (церковью) на саму нравственность.

Таковы приключения атеистической нравственности. Но коммунизм не был построен, и тысячелетний рейх был разрушен на двенадцатом году своего существования. Они строились в условиях, при которых, выражаясь языком Энгельса, еще не были устранены мотивы к безнравственному поведению, к нарушению той морали, которая утверждалась религией на протяжении тысячелетий. Ее трансцендентного авторитета заменили земным, но заповеди: не укради (у своих), не убей (своего), не изменяй жене (своей), будь

преданным (своим), честным и великодушным (среди своих), благодарным (своим) и т.д. оставались нравственными ориентирами «агентов истории» там, где еще сохранялось общение и доверие между людьми. Демографическое и культурное многообразие России, а также признание советской властью отдаленности полной и окончательной победы коммунизма, оставляли границы между «своими» и «чужими» более размытыми по сравнению с нацистской Германией. Там эти границы были зафиксированы нюрнбергскими расовыми законами, здесь они варьировались в зависимости от текущего момента политической линии коммунистической партии. Поэтому продолжается спор о нравственности героев той эпохи вообще и об оправданности их борьбы как друг с другом, так и со всем «старым обществом». Отрицание трансцендентного авторитета (Бога) превращает нравственность в иллюзию человеческого сознания. И если нравственность есть иллюзия, религия также есть иллюзия. Определять коммунизм и нацизм как секулярные религии не имеет смысла. Не всякое поклонение авторитетам есть религия, и не всякая жертва имеет священное значение.

Приключения религиозной нравственности

Проблема нравственности связана с проблемой выбора между добром и злом, и для религиозного сознания она оборачивается проблемой теодицеи. Тысячелетние дискуссии о вхождении зла в мир, сотворенного всеблагим Богом, продолжаются. Достаточно сказать: если бы в мире не было зла, дискуссии о Боге вообще не имели бы смысла. Именно потому, что зло существует, и потому, что люди постоянно нарушают ими же принятую мораль и действуют безнравственно, даже осознавая это, Бог возникает как вопрос и ответ на проблемы нравственности. Философ может утверждать: «Всегда действуй в соответствии с рациональным суждением о твоей нравственной обязанности», или «Всегда действуй с беспристрастной доброжелательностью ко всем людям» и т.п. Однако почему мы должны действовать нравственно, и должны ли мы действовать нравственно вообще? Потому, что должны, или потому, что так лучше для нас? Если должны, то по какому закону или чьему авторитету? Если так лучше для нас, где гарантия, что добро не обернется злом? Старые, старые вопросы, решение которых ведет нас (если уж мы задумались над ними) к необходимости найти и признать авторитет при их решении, будь то разум, интуиция или Бог. Голос интуиции не подлежит анализу, а слово разума оказывалось до сих пор не только не однозначным, но иной раз и разрушительным для нравственности.

Приключения атеистической нравственности, как могло бы показаться, должны были укрепить позиции религии. Но 20 в. подверг суровому испытанию и ее. Ряды атеистов и верующих в ту или иную «жизненную силу» или «мировую энергию», но не верующих в личного Бога и Его моральный авторитет, значительно выросли в последние десятилетия, и, прежде всего, в традиционно христианских странах (см. http://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_atheism). Во многом это было результатом самой церковной политики во время катастроф европейской цивилизации. Первая мировая война – этот водораздел современной истории – разразилась между христианскими народами, и все церкви (католические, протестантские, православные) свели любовь к ближнему во Христе к верности своим правительствам и народам. Православная церковь не сумела повести за собой Россию в борьбе против атеистического режима. Немецкие церкви за редкими исключениями сотрудничали с нацистской властью. Политика Папы Римского в годы Второй мировой войны была окрашена не столько духовностью, сколько прагматичностью. Религия остается расколотой на противостоящие друг другу конфессии. Церковь обвиняет современное

западное общество в нравственном тупике, но поведение ее членов само нередко оказывается не на высоте. Теперь она реже вступает в дискуссии об истинности или ложности тех или иных результатов науки, но продолжает высказываться о недопустимости определенных направлений научного исследования, как, например, экспериментов с эмбриональными стволовыми клетками, противозачаточными средствами и др. Апологетика может ответить на критику религии ссылкой на неизбежность извращения ее духовной сущности грешными людьми в земных условиях их жизни. Спор теистов с атеистами продолжается в изменившейся культурной атмосфере. Воинственность клерикализма во многом уступила место воинствующему атеизму.

Параллельно внутренним кризисам европейского общества усиливался вызов церковному христианству со стороны внецерковных сект и со стороны ислама, в том числе исламского фундаментализма, практикующего терроризм во имя Бога. Апологеты ислама говорят, что вооруженный джихад не есть его сущность, но в глазах атеистов он демонстрирует сущность религии вообще. Нобелевский лауреат по физике Стивен Вайнберг сказал: *«Религия оскорбляет достоинство человека. С религией или без неё, хорошие люди будут делать добро и плохие люди будут делать зло. Но чтобы заставить хорошего человека делать зло – для этого необходима религия»*. (http://www.physlink.com/Education/essay_weinberg.cfm). Как может человек, знающий историю 20 века, не сказать того же самого и про атеизм? Но дело в том, что атеизм не имеет своего содержания, и поэтому когда проф. Вайнберг противопоставляет атеизм религии, он, в действительности, противопоставляет ей науку с ее идеалом свободного познания истины. Однако, как продемонстрировало поведение многих ученых на протяжении всей истории науки и, особенно, в нацистской Германии и в Советском Союзе ни занятия наукой, ни атеизм не поддерживают нравственность людей. Научная истина не предстает ученым как некий моральный авторитет, заставляющий ученого действовать нравственно. Да и сам С. Вайнберг сказал: *«Моральные принципы можно обнаружить где угодно, но только не в законах природы»*. (<http://evolbiol.ru/vainberg.html>).

Возможна ли нравственность без религии или нет, религия всегда имеет нравственное содержание. Но обсуждение их связи часто искажается упрощенными представлениями о религии. Знаменательно как ее определяют толковые словари. По старому словарю Даля религия есть *«духовная вера, исповеданье, богопочитание, или основные духовные убеждения»*. Замените слово «богопочитание» на слова «вера в сверхъестественное» и добавьте к ним «форма общественного сознания», и получите определение религии по новым словарям Ожегова или Ефремовой. Это обыденное понимание религии соответствует и многим философским словарям, углубляющим его ссылками на психологию человека, культурное значение мифов и пр. Однако такое определение религии есть, по существу, взгляд на нее только как на знание, которое следует сравнивать или противопоставлять науке, как это и делают атеисты. Вопрос о религии и связанных с нею проблемах, в том числе проблеме нравственности, редуцируется к гносеологической проблематике. Параллельно этому взгляд на религию как на утешение человека в мире страданий и смерти редуцирует ее к психологической проблематике. Однако религия есть нечто большее, чем некая форма сознания, имеющая негативное или позитивное значение в жизни человека.

При любом рассмотрении религии необходимо учитывать, что она является системой, включающей в себя: [1] мировоззрение (в христианстве – библейское, преимущественно новозаветное), которое посредством ссылки на взаимопроникновение сверхъестественного и природного (трансцендентного и эмпирического) объясняет мироздание, порядок вещей в нем и судьбу человека; [2] путь жизни (в христианстве –

подражание Христу согласно катехизисам и поучениям отцов церкви), который объясняется мировоззрением и воплощается в конкретных практических и ритуальных формах; [3] общину (в христианстве – Церковь и связанные с нею организации), существование которой утверждается мировоззрением, идентифицируется путями ее жизни и тем самым выделяется в социальном мире как особый организм. В различных религиях эти элементы специфицируются, но сохраняют свою системную связь.

В тоталитарных режимах также можно усмотреть систему мировоззрения (например, коммунистического), пути жизни (по программе и директивам партии) и социального организма (партии и связанных с нею организаций). Однако здесь нет места трансцендентному авторитету, и это противопоставляет атеистические системы религиозным не только по мировоззрению, но и по образу жизни и общине (с неэлиминируемой необходимостью нравственного сознания). Как бы не восхваляли вождей тоталитарных систем, их авторитет зависел от эмпирических обстоятельств и падал вместе с ошибками, поражениями и смертью. Путь жизни и социальный организм развалились вслед за поражением и смертью вождя. В религиозной системе звучит вопрос: «Слышу ли я голос Бога?». Но в атеистической системе нет сомнения, чей голос слышен. Авторитет Бога не отменяет свободы человека и вместе с ней нравственность, ибо Его авторитет выше всякого власть имеющего на земле, а Его слово (в христианстве - Священное Писание) требуют интерпретации в соответствии с изменяющимися эмпирическими условиями существования общины (в христианстве - Священное Предание). Свобода и с ней нравственный выбор не превращаются в иллюзию. Слепая вера есть отказ от свободы. Религиозный фанатизм подавляет нравственное сознание, отождествляя авторитет Бога с авторитетом его представителей, подобно тому, как научный атеизм отождествляет авторитет вождя с законами природы и истории. Религиозный фанатизм есть модель религии только для атеистов. Он не присущ религиозным системам с тысячелетней историей. Кризисы религиозной общины могут быть поняты как признак ошибочности той или иной интерпретации, но признание ошибки здесь не есть крушение авторитета Бога. Откровение раскрывается в истории. При этом в религиозных системах вопросы морали и нравственности воспринимаются серьезно именно потому, что в отличие от научного атеизма, они признают фундаментальную ограниченность возможностей человека рационально контролировать свою жизнь.

Понимание религии как системы можно прояснить на примере современной ситуации в России. С падением советской системы и власти коммунистической партии атеизм был отделен от государства. Статья 6-й статьей Конституции СССР, узаконивавшая их связь, была отменена. И тут же проявилось, как сильно «жизнь по лжи» подорвала нравственность в обществе. Последовавшие социальные потрясения сопровождалась ростом роли церкви в жизни страны. Процесс этот сложный, и здесь не место анализировать его детали. Также и статистические данные неоднозначны. Но очевидно, что большинство русских приняли православие за приемлемую альтернативу марксизму и моральному кодексу строителя коммунизма. Согласно данным ВЦИОМ по итогам всероссийского опроса (январь 2010 года) доля называющих себя последователями православия за 2009 год в России достигла 75 %. (См. «Россияне бьют рекорды по обращению в православие, но не спешат читать Библию» — опрос Интерфакс, 30 марта 2010.) В соответствии с замечанием: «не спешат читать Библию» и по самым оптимистическим предположениям только 5% москвичей являются активными церковными верующими. (См. Анна Данилова. Нужны ли Москве новые храмы?. Сайт Православие и мир, 2 февраля, 2010.) По данным опроса ВЦИОМ в 2008 г., 27 % респондентов, назвавших себя православными, не знают ни одной из десяти заповедей, а заповедь «не убий» смогли вспомнить только 56 % участников опроса

(<http://lenta.ru/news/2008/04/28/darkage/>). В основном произошло сведение православия к знаменателю национального сознания. Ни религиозное мировоззрение, ни образ жизни православных не поднялся до уровня, необходимого для восстановления православия как системы мировоззрения, образа жизни и общины. Это сказалось, например, в споре о введении закона Божьего и основ православной культуры в школу. Здесь обнаружилась проблема церкви в охвате религиозным воспитанием и образованием большинства из тех, кто объявляет себя православными, и потому Церковь обратилась за помощью к государству для воссоздания общины православных, чей образ жизни соответствовал бы ее мировоззрению.

Можно сказать, что истинность религиозного мировоззрения определяется способностью воплощающей его религиозной системы воспроизводить себя в меняющихся социальных условиях, подобно научной истине, подтверждающейся воспроизводимыми экспериментами и наблюдениями. Но противопоставлять религиозное мировоззрение научному знанию в плоскости «истинности», как она определяется философией науки, не имеет смысла, ибо тогда религия выступает только как миф, и ее нравственный авторитет как иллюзия. Многообразие религиозных общин свидетельствует не о ложности той или иной религии, а о многообразии народов, культур, этносов с их особыми традициями и интерпретациями трансцендентного начала мира. Вряд ли даже атеисты будут утверждать, что разделение человечества на этносы есть результат «тлетворного» влияния религии. У культурологов принято называть религиозное мировоззрение «мифологическим». Можно согласиться с этим, если понимать под мифом форму осознания смыслов и значений событий истории, традиций, наследия религиозной общины как основы ее идентификации и поддержания общения между ее членами, а также их взаимодействия с другими социальными организмами посредством определенных правил поведения (ритуальных, моральных и др.). Такова почва общения, доверия, нравственного сознания членов общины.

Доверие в общении есть необходимое условие для воспроизводства нравственного сознания. Конечные и ограниченные средства жизни постоянно порождают конфликтные ситуации не только в столкновениях различных общин, но и внутри каждой из них. Доверие друг к другу и к наследию отцов позволяет избежать превращения каждого конфликта в разрыв общения. Жизнь общины воспроизводится через разрешение конфликтов между ее членами благодаря общности мировоззрения, образа жизни и авторитета Бога, представленного внутри общины священнослужителями, раввинами, муллами и людьми, чья мудрость признана общиной. В способности религиозной системы поддерживать общение между людьми с доверием и заключается ее сила сохранять нравственное сознание. Оно нуждается в авторитете в разрешении конфликтов жизни, но здесь авторитет отличается от авторитета в атеистических системах. Бог есть не только моральный, но и трансцендентный авторитет, и потому нравственное сознание оказывается проблемным, но поэтому же не элиминируемым. В атеистических системах авторитет есть авторитет вождя, партии, государства, воплощающими собой законы природы и истории, и потому нравственность здесь оказывается элиминируемым фантомом человеческого сознания (истории). В этом суть вопроса.

Атеисты утверждают, что религии разделяют людей, ибо каждая из них отказывает иноверцам в знании истины, в том числе и в вопросах морали. Действительно, религиозные системы разделяют общины, но не без возможности сосуществования. Признание трансцендентного начала мира, независящего от эмпирических различий между людьми и их группами, ведет к признанию единства человечества. Это находит свое выражение, например, в христианской миссионерской деятельности или открытости мусульманской уммы всем народам. Иудаизм не поддерживает миссионерство, но

каждый может войти в Святой Израиль, пройдя обряд обращения («геюр»), и с приходом Мессии все народы объединятся в служении одному Богу. Религия поддерживает нравственность на системном уровне, не гарантируя нравственное поведение верующих. Атеизм не лишает индивида возможности быть нравственным существом, но разрушает нравственность на системном уровне.

И все-таки в западной культуре религия перестала восприниматься необходимым условием нравственности. Разделение народов проходило часто по религиозным линиям. Противостояние Сербии и Хорватии, этнически однородных, но религиозно разделенных, – характерный пример, относящийся не к эпохе религиозных войн, но к концу 20 века. Хотя теологически религиозные системы являются открытыми для «других», на практике вдоль их границ проливались реки крови. К тому же угрозы существованию какой-либо религиозной системы порождают внутри ее фанатизм, утверждающий свою интерпретацию слова Бога наподобие «вечных естественных законов» атеистических систем. В результате члены общины могут действовать безнравственно от имени Бога, подобно атеистам, действующим безнравственно от имени законов истории. Такие приключения религиозной нравственности возможны потому, что религиозные системы воспроизводят себя в противоречивых эмпирических условиях человеческого существования. Даже если в отличие от атеизма здесь не предполагается преодоление этих противоречий чисто человеческими усилиями, религия воплощается в жизни организованной общины. Организация означает возможность ее подчинения интересам тех или иных земных авторитетов внутри нее, а также интерпретации слова Бога в свете их интересов. Если религия есть необходимое условие сохранения общения и доверия между членами общества, то есть необходимое условие нравственности, она не является достаточным условием ее сохранения. Если бы не было зла в мире, разговор о Боге не возникал бы. Если бы религиозные моральные установления не ставили бы человека перед проблемой выбора, не было бы и вопроса о нравственном сознании

Власть развращает, сила развращает, деньги развращают, зависть развращает, трудности жизни побуждают действовать безнравственно. Так было и так есть. Но есть разница между развращенной людьми (властью), переступающими нравственность, и людьми (властью), объявляющих нравственность химерой сознания (классового, низшей расы и т.д.). В религиозной системе второе не происходит, хотя ее земные авторитеты и члены могут развратиться по вышеперечисленным и другим причинам. Однако здесь речь идет не о возможности идеальной религиозной системы, а о необходимости религии для формирования и сохранения нравственного сознания у людей в земных неидеальных условиях. Вопрос упирается в необходимость религии, при всех проблемах и противоречиях ее земных систем, для поддержания общения и доверия между людьми. Большинство россиян еще помнят жизнь в коммунистической системе, соединившей атеизм и государство, но жизнь в России, где государство было соединено с религией уже есть только историческое воспоминание. Горькие уроки недавнего прошлого не могут быть основанием идеализации давнего прошлого.

Секулярный гуманизм

В течение тысячелетий границы общественных систем практически совпадали с границами религиозных систем, и значение религии для сохранения нравственности в обществе подвергалась сомнению только одиночками или группами «вольнодумцев». Не имеет смысла обсуждать здесь вопрос, возникло ли нравственное сознание в далекие времена раньше религии, или человек был изначально религиозным существом. Атеисты

могут полагать, что гены нравственности или безнравственности возникли в процессе эволюции наших предков, оказались благоприятным условием для их выживания и только позднее закрепились в религиозных системах. Они могут также утверждать, что положительное значение религии в выживании человечества принадлежит прошлому, и что теперь она сдерживает социальный прогресс, научное познание и технологическое овладение природой. Концепции подобные «эгоистическому гену» биолога Р. Докинза основываются на интерпретации отобранных фактов из животного мира и на предположении, что ничто *«не мешает дарвинисту полагать с большой долей уверенности, что привычка [кажущаяся излишней] для чего-то нужна»*, и что *«религия не имеет никакой ценности для выживания человеческих особей и не даёт никаких преимуществ для их генов»*. (Р. Докинз, «Какая польза от религии?», 2004 г., – http://scepsis.ru/library/id_151.html). Такую концепцию невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. В многообразии животного мира можно найти явления подходящие для эволюционной интерпретации религии, морали и нравственности, но при этом ни у эволюционистов, ни у их критиков нет возможности наблюдать или воспроизвести возникновение человечества в естественных условиях. Можно утверждать, что нравственное сознание дано человеку Богом и теперь присуще ему как автономное, или оно возникло в ходе биологической эволюции и теперь присуще природе человека. Так что, не углубляясь в споры атеистов от имени эволюции и теологов от имени Бога, припомним к приключениям нравственного в последние десятилетия.

Оба лагеря среагировали на катастрофы европейской цивилизации сомнениями в земных авторитетах, утверждаемых теологически от имени веры или идеологически от имени знания. Так в христианстве возникли теологии «надежды», «освобождения», «феминизма» и т.д., вплоть до теологии «смерти Бога». В последней трансцендентный Бог мыслится абсолютно неадекватным человеческим представлениям о Нем и абсолютно отчужденным от реальности человеческого существования. На этой почве также расцветают разновидности New Age оккультного, эзотерического и синкретического характера. Модернизация религиозного сознания сопровождается отходом от традиционных авторитетов и усиленными поисками «исторического Иисуса», «Мировой энергии», «Живой силы» и т.д. Попыткам модернизации религиозного сознания противостоят попытки его фундаменталистской консервации. Здесь нет места анализировать все эти новые теологии. Важно то, что большинство из них является реакцией на ослабление способности традиционных западных религиозных систем (католичества, протестантизма, православия, иудаизма) поддерживать образ жизни своих общин и воспроизводить их в соответствии со своим мировоззрением. Большинство новых теологий соединяют политическую критику иерархий религиозных систем с моральной критикой их богословских традиций, что и находит отражение в теологиях «надежды», «освобождения», «феминизма» и т.д.

Во второй половине 20 века началось нечто похожее на переселение народов из Азии и Африки в демократические страны по социо-экономическим причинам, а также в результате этно-религиозных конфликтов. В западном обществе образовались значительные конклавы общин за пределами их материнских религиозных систем. Современная технология и демократические законы Запада позволяют этим общинам сохранять тесные связи со своими корнями и не способствуют их интеграции в культуру с иудео-христианскими корнями. Надо отдать должное Западу. Какие бы экономические интересы ни играли роли в открытии его дверей для мигрантов, не следует забывать о признании многими религиозными и общественными организациями нравственной обязанности приютить бедных и гонимых. Однако в результате этого процесса еще больше нарушилась способность традиционных религиозных систем самого Запада поддерживать общение и доверие в обществе. Но может ли атеизм оградить

нравственность от джина нигилизма: «Если Бога или карающего государства нет, то все возможно»?

Этические теории не решили спор между религией и атеизмом в вопросах нравственности, и сегодня религии противостоит атеизм в формах секулярного гуманизма, который после приключений атеистической нравственности избегает подчинять себя каким либо авторитетом вообще. Так «Декларация секулярного гуманизма» Российского гуманистического общества (<http://hum.offlink.ru/docs-main/docs5/>) провозглашает принцип «*свободного исследования*», согласно которому «*недопустим любой вид цензуры, догматизма*». Но ведь «свободное исследование» осуществляется учеными с их личными и материальными интересами. Где та основа общения и доверия между исследователями, которая оградит «свободное исследование» от столкновений между учеными и от безнравственного использования их достижений? Кроме того, гуманизм должен быть обращен ко всем людям, большинство которых не являются учеными. Должны ли «свободные исследователи» стать элитой общества, способной гарантировать нравственное использование результатов своих исследований? Лозунг свободного исследования остается абстрактной реакцией на плачевную историю вмешательства государства в науку. Нравственность ученых и нравственное использование результатов науки требует основания за пределами «свободного исследования».

Далее секулярный гуманизм подчеркивает принцип «*отделения церкви от государства*». Но и этот принцип не является гарантией нравственности, и светский гуманизм вынужден апеллировать к «естественной» нравственности граждан, не зависящей от религии и способной при случае противостоять их собственным безнравственным побуждениям, а также возможной безнравственной политике государства. Декларация гуманизма апеллирует к «*этике, основанной на критическом мышлении, независимой от религии, выводящей моральные нормы не из религиозного откровения*». Но откуда? Из эмпирического поведения людей? Если бы оно было достаточной основой, не надо было бы бороться за идеалы секулярного гуманизма после отделения церкви от государства. Из науки? Но приключения атеистической нравственности не дают основания для такой надежды, и ничто до сих пор не продемонстрировало действенность «научной этики» без карательного аппарата государства. Далее провозглашается «*Моральное образование. – Необходимость нравственного воспитания и образование детей*». На основе какого этического учения? И здесь звучит надежда на естественную доброту человека. Далее утверждается «*скептическое отношение к претензиям сверхъестественного на реальность*». Но не скептическое отношение к претензиям атеизма отрицать сверхъестественное! Доказала ли наука правомерность атеистического сведения реальности к материальному? Не затрудняется ли она сама интерпретировать свои результаты по принципу: «бытие первично, сознание вторично»?

Лозунги секулярного гуманизма есть, по существу, реакция на действия политических и религиозных авторитетов прошлого. Это осуждение имеет нравственный оттенок, но не указывает условия воплощения лозунгов гуманизма. В противоречивых условиях индивидуальной и общественной жизни их воплощение неизбежно оказывается нравственной проблемой, начиная от свободы экспериментировать с людьми, кончая ограждением образования от превращения его в промывание мозгов под знаменем не только религии, но и науки. Секулярный гуманизм остается идеологией отдельных интеллектуалов, чьи нравственные побуждения очевидны, но требуют для своей реализации основы, которой нет в науке, технике, образовании и в самом атеизме.

После падения советского режима с его коммунистической идеологией и при неразвитом демократическом сознании в обществе российское государство поддержало церковь для заполнения мировоззренческого вакуума и возрождения национального самосознания, хотя и сохранило формальное отделение церкви от государства. Отсюда антиклерикальный тон российской «Декларации секулярного гуманизма» и вместе с тем его надежда на поддержание государством своих лозунгов, завуалированная надежда на соединение государства и атеизма. Интересно отметить, что в этой декларации не прозвучали такие принципы «Третьего гуманистического манифеста» Американской ассоциации гуманистов как: *«Жизнь приобретает смысл в служении личности гуманным идеалам»* и *«Работа на благо общества максимизирует счастье индивидуума»* (см. http://www.americanhumanist.org/Who_We_Are/About_Humanism/Humanist_Manifesto_III), возможно потому, что они очень напоминают лозунги советских времен. Вместе с тем в американском манифесте более четко, чем в российском, утверждается: *«Этические ценности происходят от тех человеческих потребностей и интересов, которые проходят проверку опытом»*. Какие бы философские или эволюционные обоснования ни приводились в подтверждение этого положения, история демонстративно не подтверждает его. Как сказал Эммануэль Левинас: *“Убийство – самое банальное событие в истории”*. Также как и воровство, прелюбодеяние, ложные свидетельства и т.д. И все-таки мы слышим: *“Не убей!”*, *«Не укради!»*, *«Будь верным, честным!»* и т.д.» У воровства, убийства, измены, лжи много понятных поводов, много возможной пользы, и много возможных оправданий (в каждом конкретном случае). Право и суд определяют наказания за их нарушения, но они продолжают и не исчезают с «опытом». И все-таки мы слышим голос нравственности, которому люди следуют вплоть до самопожертвования вопреки опыту.

Но если нравственное сознание, будучи естественным феноменом, как утверждают многие атеисты, не подобно законам природы, независимым от воли человека, то на какой или на чей авторитет может надеяться гуманизм, чтобы убедить людей следовать нравственному закону? Гены не дают решения проблем нравственного выбора, преодоления парадоксов этики в конкретных жизненных ситуациях. Если бы они не возникали, человек мог бы действовать по осознанной необходимости без нужды апеллировать к трансцендентному Богу. И перед секулярным гуманизмом, можно сказать, неожиданно для него открываются врата ада атеистической безнравственности. Доктор физико-математических наук Л.Ярославский пишет в послесловии к своему переводу цитировавшейся выше статьи Р.Докинза: *«Так или иначе, религия, конечно, паразит, и всегда была ею. Но в критике религии нельзя игнорировать тот факт, что в историческом плане у неё, а точнее, у религиозных институций, была и частично ещё сейчас остаётся и общественно полезная функция хранения и передачи моральных ценностей, накопленного опыта и знаний. Сейчас эти функции религии вполне могут выполнять современное государство, школа, наука и искусство, и уже ничто не может оправдать те огромные и кровавые жертвы, которые люди продолжают приносить на её ненасытный алтарь»*. (http://scepis.ru/library/id_151.html) Здесь соединились взгляды на религию и мораль марксизма (*«религия, конечно, паразит»*) и нацизма (*«у религиозных институций частично остаётся полезная функция хранения и передачи моральных ценностей»*), причем в том и другом случае государство должно взять под контроль нравственное сознание посредством школы, науки и искусства. Независимо от политических симпатий атеистов и гуманистов (в данном случае, гуманистов Р.Докинза и Л.Ярославского) тайна секулярного гуманизма открывается в признании государства гарантом нравственности. История не является аподиктическим знанием, и ее уроки можно игнорировать во имя борьбы с невежеством и реакционными мировоззрениями, с которыми так привычно для атеистов отождествлять религию. Но секулярный гуманизм оказывается круглым квадратом и неизбежно обнаруживает свою зависимость от земных

(государственных) авторитетов или даже от самой религии для поддержания в обществе нравственного сознания.

Вопрос к будущему

Новые атеисты склонны учить верующих «истинной вере» и как быть «истинными верующими». Обычно это сводится к суждениям типа: «Истинно верующий обязан буквально следовать каждому слову священной книги». Так «Новый атеист» Сэм Харрис, процитировав Второзаконие 13:6-11, где Бог приказывает побить камнями до смерти члена семьи, подстрекающего близких поклоняться другим богам, замечает: *«Терпимость в религии не имеет под собой никакой почвы, кроме как непризнанного пренебрежения буквой божественного закона»*. (Sam Harris, *The End of Faith*. W.W.Norton & Co., 2005, pp. 18,19.) Фанатизм рассматривается как модель истинной религии. Но как отмечают комментаторы Второзакония, в истории евреев не известны случаи буквального следования процитированному Харрисом тексту (см. *The Pentateuch and Haftorahs*. Edited by Dr. J.H. Hertz, London: Soncino Press, 1964, p. 807), хотя в каждом поколении были отступники и подстрекатели. Означает ли это, что евреи никогда не были общиной истинно верующих? С другой стороны христиане, и фундаменталисты среди них, помнят, как Иисус наставлял своих учеников: *«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»*. (Матфей, 5:44) Следуют ли фундаменталисты букве этого наставления? Для Харриса они сеют вражду и ненависть в мире. Значит, нет среди фундаменталистов истинно верующих, и их веру нельзя представлять моделью истинной религии. Позиция Харриса оказывается бессмысленной при анализе религиозного сознания. Такова цена «свободного исследования» религии, игнорирующего ее природу как системы мировоззрения, образа жизни и общины. Если бы Харрис учел это, он мог бы задуматься над тем, как хранилась религиозными общинами, не следовавшими, на его взгляд, божественному закону должным образом. Он пишет: *«Двери, ведущие из буквализма Писаний не открываются изнутри веры. Терпимость верующих (не фундаменталистов)... есть продукт многих ударов по религии в новое время, обнаруживших сомнительность различных ее догм»*. (Там же, стр. 18-19). Однако именно атеисты, сводя религию к текстам, рассматривают их буквалистски, обнаруживают противоречия в них и обвиняют верующих в игнорировании этих противоречий. Но если тексты таковы, то может ли истинно верующий вообще следовать им буквалистски? Двери к интерпретации Писаний открываются именно изнутри религиозной системы. А на замечание о том, что в религии терпимость обнаруживается только под ударами извне, можно ответить, что если терпимость и обнаруживалась в тоталитарных (атеистических) системах, то только под влиянием нравственности, унаследованной от религии. (Хороший пример этому история морального кодекса строителя коммунизма. Ф. М. Бурлацкий вспоминает, как после приказа Н.С. Хрущева написать такой кодекс для третьей программы КПСС (1961 г.) консультанты *«стали фантазировать. Один говорит “мир”, другой — “свобода”, третий — “солидарность”... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно “ляжет” на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов»*. (<http://gra.litsa.ru/magazine.php?m=60&a=3>).

Со своей стороны критики атеизма из религиозного лагеря склонны утверждать, что поведение многих атеистов обусловлено бессознательным следованием нравственности, утверждаемой религией, укорененной в ней, невозможной без нее, и что

последовательное следование атеизму делает человека безнравственным чудовищем. Тертуллиан сказал: *«Каждая душа христианка»*. В ответ атеисты могут заметить: *«Верующие постоянно грешат против установлений религии, и это значит, что каждый из них атеист в душе»*. Так проблема нравственности утопает в словах, что и наблюдается слишком часто в спорах теистов и атеистов.

Там, где слова бессильны, решает история, жизнь. Атеизм «шагает по Европе». *«Учитывая ускорение тенденций, Европа может стать — после тринадцати столетий роста и экспансии, и семи столетий духовного превосходства — континентом, где Церковь потеряла способность вдохновлять большинство населения постиндустриального общества. Но в Европе христианская мораль пропитала государство и гражданское общество. Философия Декалога, пророков и апостолов воплощена в законодательстве всего западного мира... Снижение приверженности к религиозным ценностям ни в коем случае не означает 'моральный упадок' при условии, что эти ценности заменены неметафизической этикой»*. (Mattei Dogan, *Erosion of Religious Beliefs in Europe at the Turn of the Millenium* — <http://www.matteidoganpersonal.com/admin/files/77/1215611703998557.PDF>). В последнем предложении заключена суть проблемы. Проблема нравственности должна, как кажется, быть уже решенной, если христианская мораль пропитала государство и гражданское общество, но со всех сторон слышна критика их морального состояния, включая государственные и церковные институты. Секулярный гуманизм пытается заменить религиозные ценности неметафизической этикой, но может ли она приобрести экзистенциальное значение без опоры на трансцендентный (метафизический) авторитет, побуждающий людей действовать нравственно, даже наперекор их материальным интересам и психологическим устремлениям? Однако можно задать и встречный вопрос: *«Если нравственность нуждается в трансцендентном авторитете, чье существование сомнительно и установления неопределенны, то необходимо ли ссылаться на него вообще? Не достаточно ли уголовного кодекса и полицейского надзора в предположении, что мораль пропитала государство и гражданское общество?»*

В атеизме звучал и раньше гуманистический мотив. Но после приключений атеистической нравственности в 20 в. ему нужны новые вдохновения. Французский философ Андре Конт-Спонвиль признал, что в науке его не найти, и на государство надеяться нельзя (см. André Comte-Sponville, *The Little Book of Atheist Spirituality*. Viking Books, 2008; дальше цитируются стр. 11-24 этого издания). Атеизму нужна духовность, не уступающая по своей экзистенциальной значимости духовности религиозной. Поставив вопрос: *«Можем ли мы обойтись без религии?»*, Конт-Спонвиль, в отличие от других «новых атеистов», осуждающих религию без права апелляции, признал историческую ценность религии в формировании и сохранении двух условий существования любого человеческого общества: общения и доверия. *«То, что связывает верующих, как это видится постороннему наблюдателю, есть не Бог, в чьем существовании можно сомневаться, но общение внутри одной веры. [Указание на «постороннего наблюдателя» здесь очень к месту]... Не уже существующая община устанавливает общение, но скорее общение превращает группу людей в общину, и тогда они уже не являются набором противостоящих и соревнующихся между собой индивидов»*. Религия и была основой такого общения. Для верующих их общение окрашено верой в Бога, но Конт-Спонвиль, исходя (и справедливо) из факта существования нравственных атеистов, верит, что *«это ни в коем случае не означает, что все формы общения и поэтому все формы общества требуют веру в личного Бога и веру в трансцендентные, сверхъестественные силы вообще»*. При этом он признает, что объединяющее людей общение предполагает осознание *«существования некой ценности, которая является или представляется абсолютной, признается безусловной, и чье нарушение неизбежно вызывает бесчестие*

или наказание за кощунство (как, например, когда мы говорим о «святости» человеческой жизни, или «святой» обязанности защищать родину, справедливость и т. п.)...Взятое в таком смысле, святое есть нечто, что оправдывает, при необходимости, самопожертвование». Но для атеиста, подчеркивает философ: «оно уже не святое священников, приносящих дары, но скорее святое героев, кто пожертвовал своими жизнями, или святое тех замечательных людей, кто при определенных обстоятельствах готовы на такую жертву... Но это не требует ни метафизики, ни, точнее говоря, религиозной веры! Человечность, свобода и справедливость не являются потусторонними сущностями. Поэтому атеист и может уважать их и даже отдать жизнь за них, также как и верующий. Идеал не есть Бог. Этика не есть религия».

Этика не есть религия, но может ли она придать статус святости каким либо побуждениям людей, укорененным только в практических обстоятельствах их жизни с ее противоречиями, неизвестным будущим и с ее законом: «когда хочу делать доброе, прилежит мне злое» (Апостол Павел). Все ли моральные установления, принятые в данном обществе, безусловно святые? Релятивность морали – давняя проблема этики. Атеист может отдать жизнь за секулярный идеал, но как он может убедить других людей следовать своему индивидуальному побуждению? Благо человечество? В чем его гарантия? И почему индивид должен заботиться о нем, зная, что время его жизни ограничено? И как насчет тех, для кого «свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»? Арестовывать во время чаепития? Конт-Спонвиль снимает вопрос героя Достоевского замещением авторитета Бога авторитетом прошлого - верностью человека установившимся (не важно как!) нравственным традициям цивилизации, закрепленным в религии, но теперь могущими исповедоваться независимо от нее. «Проблема не в политике, а в духовности и в цивилизации, в противостоянии варварству, не знающего прошлого, в протесте против бескультурья, знающего только настоящее... Не существуют общества без образования, цивилизации – без преемственности, общения – без верности... Отрицание Бога, умершего для общества, как сказал бы ницшеанский социолог, не обязывает нас отвергнуть мораль, культурные и духовные ценности, установленные во имя его... [История] не доказывает, что эти ценности нуждаются в Боге для того, чтобы оставаться действенными. Наоборот, все указывает на то, что **мы** нуждаемся в **них** – в этике, в чувствах общности и верности – для того, чтобы существовать так, как представляется нам по-человечески приемлемым... Когда вера потеряна, верность остается. Когда обе потеряны, остается только пустота или отчаяние... Если вы перестаете верить в Бога, обязаны ли вы превратиться в труса, лицемера, зверя? Конечно, нет!... Есть ли у вас вера или нет, по-человечески, этика продолжает торжествовать». Но как индивидов убедить, «что **мы** нуждаемся в **них**» больше, чем только как в средстве удовлетворении наших личных интересов? Как убедить людей жить по-человечески, если у них есть склонность жить не по-человечески, да и не понятно, что значит жить по-человечески, если человеческая жизнь столь противоречива? Сегодня варвар это не тот, кто не заботится о гигиене или не смотрит телевизор. Варвар, как хорошо сказал Конт-Спонвиль не знает прошлого и не заботится о будущем. Но как убедить его стать цивилизованным человеком? Религия включает жизнь самого необразованного верующего в историю его общины. Знакомство с историей без осознания какой-то принадлежности к ней есть «умственное чаепитие», времяпрепровождение.

Конт-Спонвиль продолжает: «Даже если этические нормы человечны и релятивны, какими, я верю, они и являются, они не есть результат соглашений и не сотворены. Мы все находим их внутри себя как наследство прошлого (от Бога, от природы или от воспитания, в конечном счете, не имеет большого значения), и мы можем критиковать одну из этих норм только привлекая другую. Например, мы можем сослаться на

индивидуальную свободу для суждения морали, ограничивающие сексуальное поведение, или сослаться на справедливость при ограничении свободы. Все этические нормы достались нам от прошлого: для общества они укоренены в истории, для индивида – в детстве». Релятивность этических норм ставит под вопрос их святость, если они не связаны с волей трансцендентного Бога. Признание этой связи не снимает проблему адекватного понимания и последовательного исполнения человеком этих норм. Отсюда их релятивность, но только относительная. Без связи с Богом этические нормы полностью релятивизируются и осознаваться святыми не могут. Тогда открывается дорога к цинизму. Так или иначе, они достались нам от прошлого, но что гарантирует их будущее? Как отметил Толстой, философия может осмысливать наше отношение к миру, но не может быть его основанием. Если не существующая община устанавливает общение, но скорее общение превращает группу людей в общину, то общение должно поддерживаться в ней организацией жизни во времени и пространстве. Но атеизм, не имеющий собственного содержания, не имеет и корректирующей индивидуализм силы, способной ограничить свободу быть «самим собой» и всеядный релятивизм. Сами индивидуализм и плюрализм не включают в себя призыв к безнравственности. Но у атеизма, отрицающего трансцендентное, нет возможности оградить их от превращения в анархию вместе с атомизацией общества. Как подчеркивает сам Конт-Спонвиль: *«Демократия и общественный порядок - замечательные вещи, но они не могут заменить общение, они укоренены в нем»*. У атеизма нет иной надежды на сохранение гуманизма, кроме как на естественную нравственность, независимую от карательного аппарата государства и догматического авторитета религии, но, рождаясь из критики религии, он вынужден надеяться на государство.

Согласно новому атеисту К.Хитченсу, *«знание добра и зла врожденно человеку, и религия воспринимает мораль от него... Внутренний голос, демон, Сократа останавливал его, когда он намеривался поступить несправедливо с кем-либо... Почему мы не можем принять, что у нас есть внутренний моральный компас?»* (http://en.wikipedia.org/wiki/Morality_without_religion) Однако «ведь не собаку отравили, а Сократа, лучшего из людей, мудрейшего из людей, праведника» (Л. Шестов). Но может быть с ослаблением догматического влияния религии, внутренняя нравственность человека проявляется в своей благой естественности? Статистика не подтверждает этого (см. The United Nations Surveys on Crime Trends and the Operations Criminal Justice Systems. 2010 - http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/International_Statistics_on_Crime_and_Justice.pdf). Данные за период 1996-2006 годы показывают рост преступлений в европейских странах в категориях: нападение, насилие, грабеж, кража автомашин, наркотики. Число похищений и убийств в Западной Европе оставалось постоянным, возможно, благодаря усилению полицейских мер по их предупреждению. Данные относятся к периоду до последнего экономического кризиса, который, возможно, повлиял на статистику преступлений в Европе, но общая картина ясна: общество не становилось нравственнее с уменьшением влияния религии на нравственное сознание европейцев. Возможно, это связано не с распространением атеизма, а с комплексом социо-экономических факторов. Также есть статистика, показывающая, что *«атеисты не более аморальны, чем верующие. Религия накладывает отпечаток на часть ответов, однако это относится скорее к особенностям догм различных верований»*. (<http://www.nature.com/news/2010/100208/full/news.2010.55.html>). Выводы здесь зависят от критериев отбора данных и методики их интерпретации. Но, очевидно, распространение атеизма не улучшило нравственного климата общества.

Согласно атеистам в этических вопросах человек руководствуется *«своими собственными соображениями, полученными при воспитании от родителей или врожденными»* (Там же). Оставим в стороне вопрос об их врожденности до тех пор, пока

не найдены «гены нравственности» (возникшие по воле Бога или в результате мутаций ген у предка человека). Поколение современных атеистов воспитывалось поколением воспитателей, еще воспитанных религиозными учителями. Но при отказе от религиозного воспитания, тем более при его осуждении, воспитание продолжает происходить в семье, в школе, в общении между друзьями, на улице, и под влиянием случайных обстоятельств жизни или страха уголовного наказания. Вряд ли кто будет утверждать, что улица и тюрьма воспитывает нравственных людей. Общение между друзьями непредсказуемо по своим последствиям, поскольку зависит от нравственности и авторитета каждого из них. Общение в Интернете заполняет время у компьютера играми и обменом интересной (часто безнравственной) информацией и является эрзацем общения даже в среде виртуальных друзей. Остается надежда на семью и школу. Но секулярная школа есть государственное учреждение. Если социо-культурная атмосфера за стенами школы пронизана цинизмом и нигилизмом, то никакими учебниками не удастся ее преодолеть. Остается надежда только на семью. Но оправдана ли она, если сама семья становится изолированной ячейкой общества?

В Европе, Америке и в России процент браков, заканчивающихся разводами доходит до 60 и больше процентов. Их средняя продолжительность, а часто и атмосфера, не благоприятствуют формированию нравственного сознания детей. Нравственное воспитание детей теряет основания. Каждый третий ребенок в Европе и России воспитывается одним родителем, в большинстве матерями (в шесть раз больше, чем в 1970-х годах - <http://www.csmonitor.com/2006/0417/p01s03-woeu.html> и <http://www.amitass.ru/article/57708.html>), в США – каждый четвертый. При этом по американской статистике, дети выросшие в таких домах склонны в 5 раз чаще покончить жизнь самоубийством, в 9 раз чаще не окончить школу, в 10 раз чаще принимать наркотики, в 14 раз чаще совершить изнасилование, в 20 раз чаще попасть в тюрьму, в 32 раза чаще убежать из дому. (<http://www.poppawon.com/?p=60>). И в России наблюдается рост детской преступности. (http://statistika.ru/russiainprices/2007/11/20/russiainprices_9330.html) Разрушение общения и доверия усиливается также и в результате иммиграционных процессов. Общество начинает напоминать губку, не только расплывающуюся, но и впитывающую в себя элементы, не склонные интегрироваться в демократическое общество. Нравственная ценность видения «человека» в «другом», несмотря на этнические, социальные, сексуальные, образовательные, экономические и пр. различия, постоянно политизируется и теряет свою ценность. Проблема аборта как права женщин распоряжаться своим телом – яркий пример этого. Многие женщины, борющиеся за право на аборт, полагают, что он есть убийство. Это одна из типичных нравственных дилемм, которые атеизм не разрешит. Общество расслаивается. Много социо-экономических факторов играют роль в усилении этого процесса, но, очевидно, что секулярное воспитание не гарантирует передачу от поколения к поколению некоей естественной нравственности.

Однако нравственные проблемы укоренены и в самих религиозных системах. Примером может послужить отношение церкви к детям рожденным вне брака. Сколько их погибало в России еще в 19 веке, когда *«церковь-то и отрекла этих детей, -- всех, рожденных без предварительного ее благословения, и при ее отказе дать таковое благословение на рождение до замужества; отрекла и определила их судьбу, убиваемых, кидаемых, во всяком случае при матери и отце не остающихся»*. (В.В.Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе» – <http://www.vehi.net/rozanov/legenda.html>). Религиозные ритуалы, включая бракосочетание в церкви, не только организуют жизнь верующих, но придают им трансцендентный смысл, независимый от сиюминутных чувств новобрачных и эмпирических обстоятельств их решения вступить в брак. Ритуал соединяет настоящее с прошлым и будущим, устанавливает связь поколений. Этим поддерживается единство

общины и нравственное сознание внутри нее. Но эти же ритуалы и разделяют людей на приобщенных к Богу (к общине) и чужих или отверженных, а всякое разделение людей ведет к разрушению нравственных взаимоотношений между ними, к нравственному осуждению, в данном примере, незамужних матерей и их детей.

Атеист не разделяет людей в свете религиозных ритуалов, и для него нет разницы между детьми рожденными в браке или вне его. Атеизму нечего предложить что-либо взамен религиозным ритуалам, осмысливающим их мифам, коммунальным действиям и пр. – всему тому, что хранит и поддерживает общину. Но, тем ни менее, атеизм своей критикой разделения людей на религиозной основе обнаруживает в религиозной системе тенденции подчинять нравственное сознание ритуалам, традициям и интересам общиной иерархии. Тем самым сохранение нравственного сознания оказывается проблемой и внутри религиозной системы. Атеистическая критика религии может находить поддержку государства и побуждать религиозные общины отвечать на нее в соответствии с гражданским законодательством демократического государства. Так в сегодняшней России до 50% детей живут вне нормального, по церковным установлениям, брака, но церковь уже не отрекает их, но стремится вовлечь их в общину верующих. В религиозной системе формируется нравственное сознание, но его нормы и реализация неизбежно предстают перед каждым поколением верующих как конфликт традиций с изменившимися социальными условиями ее существования. Сегодня это конфликт религии с секуляризмом и гражданскими законами, поддерживающими плюрализм общества. Вместе с тем религиозные системы должны оставаться верными трансцендентному авторитету Бога и не подменять его приспособлением к текущему политическому моменту и опросам общественного мнения. Это вопрос обращенный к будущему, вопрос сохранения религиозных систем в демократическом обществе, и вместе с тем вопрос интеграции людей с различными мировоззрениями в демократическое общество, сохранения между ними общения и доверия и, тем самым, нравственного сознания. Без него гражданское сознание перестает быть уважением к законам и редуцируется к страху перед законами.

Заключение

Современное демократическое общество невозможно без признания принципа плюрализма, в том числе плюрализма религиозных систем и мировоззрений, включая атеизм. Подчинение нравственного сознания трансцендентному авторитету не оказалось достаточным условием ограждения его от коррозии эмпирическими обстоятельствами общественной жизни. И все-таки нравственное сознание не может освободиться от этого авторитета. Когда детям говорят, не «люби ближнего как самого себя» (как бы нереалистично это ни звучало), но «остерегайся незнакомца» (как бы реалистично это ни было), то налицо не только признак кризиса общения и доверия, но и отказ от них под лозунгом: «Такова реальность!» И если нет трансцендентного Бога, в свете авторитета которого такая реальность представляется нравственной проблемой, она узаконивается как неизбежная реальность. Тогда золотое правило этики, провозглашаемое всеми религиями: *«Не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе»*, теряет смысл в обществе, и вместе с ним теряют свой смысл рассуждения об «автономной нравственности» и надеждах на нее.

Терпимое отношение к различным мировоззрениям в демократическом обществе есть признание единства человечества и всеобщности этических норм. Но если человек не создан по образу и подобию Бога, основа нравственного сознания разрушается, ибо

биологическое единство, лишённое трансцендентного значения, редуцируется к борьбе между индивидами и группами людей за положение в обществе и выживание. Атеизм, не имея собственного содержания, не отрицает единства человечества, но лишая общение между людьми объединяющего его трансцендентного начала, он не может предупредить превращение плюрализма в нигилизм. Для нигилизма добро и зло не имеют онтологического статуса, и утверждение необходимости моральных установлений, будь они словом Бога или продуктом эволюции, оказываются только фантазией. Ограждение плюрализма с его лозунгом терпимости к «другим» от впадения в нигилизм нуждается в критериях нравственного выбора, не зависящих от сиюминутных интересов людей и не допускающих признание анархии альтернативой тоталитаризму.

Нравственное сознание воспроизводится в противоречивых условиях человеческого существования и нуждается в признании того или иного авторитета при разрешении конфликтных ситуаций. Он необходим, чтобы, оставаясь нравственным существом, человек не только признавал онтологический (не иллюзорный) статус нравственности, но и не оказывался Бурдановым ослом, не способным выбрать между двумя нравственно равноценными решениями. Произвол и бездействие разрушают нравственное сознание. Демократическое общество создавалось религиозными людьми, теистами и деистами. Оно не смогло бы возникнуть при замещении религиозного мировоззрения атеистическим, ибо последне привело бы к анархии (уже Робеспьер понимал это и пытался установить культ Верховного Существа). Было ли это признаком еще недостаточного просвещения и прогресса демократий, можно обсуждать, но попытки формирования «истинных демократий» атеистами в 20 в. окончились уничтожением самой демократии. Для демократического общества, более чем для авторитарного, необходимо осознание гражданами своего единства при всех различиях между ними и признании прав каждого человека следовать своим индивидуальным интересам. С отказом от божественной святости нравственных установлений возникает вопрос об осознании их обязательности для индивида («святости» в смысле атеиста А. Конт-Спонвиля). *«Почтение, сдержанность, смирение, чувство границ, способность прислушаться к человеческому горю и откликнуться на него – это не те добродетели, которые формируются на рынке [или в политике], однако они являются атрибутами человеческого характера, в которых мы будем нуждаться, если нашей цивилизации суждено выжить»* (Дж. Сакс, «Достоинство различия». Изд. Мосты Культуры. М., 2008, стр.33.)

Религиозные системы не абсолютизируют разделение людей, ведущее к извращению нравственного сознания, но и они освящали то или иное их разделение, например, неравенство полов, домострой, политические иерархии (права королей, формулы типа «православие, самодержавие, народность») и пр. Сегодня все это представляется большинству граждан демократического общества нравственно не оправданным. Формы общения и основы доверия между членами религиозной общины также имеют историю. Кроме того, разделение самих религиозных систем и претензии каждой из них на единственно истинное понимание трансцендентного начала мира противостоит гражданскому сознанию демократического общества. Ответом на эту проблему остается не только отделение религии от государства, но также сосуществование религиозных систем в демократическом обществе и, более того, сосуществование и общение верующих с атеистами. Без религиозного отношения к миру нет нравственного сознания, но сегодня оно поддерживается атеистической критикой религии. Здесь заключен вызов и для религии и для атеизма в демократическом обществе. Когда атеисты критикуют религию, они должны спрашивать себя: «Может ли атеизм стать основой общения и доверия между людьми, не вести к нигилизму?», и помнить, что критика религии не есть такое основание. Когда верующие критикуют атеизм, они должны спрашивать себя: «Может ли

религия не разделять людей на противостоящие друг другу общины, не консервировать ту или иную интерпретацию воли Бога?» и помнить, что авторитет толкователей этой воли не есть Его авторитет.

«*Чем успокоить дух, если позади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок?*» (Ф.М. Достоевский) Каким авторитетом? Или не надо успокаивать его вообще? Можно извлекать из истории те или иные периоды и доказывать зло религии, можно также извлекать из истории другие периоды и доказывать зло атеизма. Взрывы насилия можно объяснять там и там историческими обстоятельствами, а не «сущностью» религии или атеизма, и защищать любую позицию. Прав был Лев Николаевич Толстой, сказав: «*Ни философия, ни наука не могут установить отношения человека к миру, потому что отношение это должно быть установлено прежде, чем может начаться какая-либо философия или наука*», хотя они могут повлиять на выбор религиозного или атеистического отношения к миру. Толстой вряд ли бы повторил сегодня слова: «*Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности*», ибо много атеистов подтвердили своей жизнью обратное, и не справедливо было бы доказывать им, что они не знали, что делали. И все-таки слова Льва Николаевича сохраняют смысл и сегодня. Религия остается источником нравственного сознания при всех противоречиях внутри ее систем. Для того чтобы атеизм смог объявить нравственность естественным достоянием человека, она уже должна быть необходимым условием его жизни. Но чтобы из хранителя и исполнителя воли трансцендентного Бога не превращаться в земного хозяина нравственного сознания, религия нуждается в критике со стороны, и атеизм исполняет эту важную роль в демократическом обществе. У него нет своего содержания, но как показала история, критика нравственного сознания внутри религиозной системы недостаточна. Будет общение между верующими и атеистами, нравственность не исчезнет из человеческого общежития.

Возможна ли нравственность, независимая от религии? 20-й век внес поправку в ответ Льва Николаевича Толстого, но он может быть повторен: **без религии нет нравственного сознания, но условием его сохранения стала атеистическая критика религии.** Столетие со дня смерти Толстого обнаружило парадоксальность отношения религии и нравственности.